№ 152 СРЕДА 25-го ДЕКАБРЯ 1896 ГОДА. № 152

ГОДЪ XV. # ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ГОДЪ XV.

Отдѣл. №№ газ. по 10 к. ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ Отдѣл. №№ газ. по 10 к.

Адресъ конторы редакціи: Харьковъ, ул. д. № 1. Контора для пріема объявленій и объявленій открыта отъ 9 до 3 ч. дня.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ИРКУТСКѢ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, СРЕДАМЪ и ПЯТНИЦАМЪ.

Телефонъ редакціи № 129. типографіи и конторы редакціи № 85.

Адресъ редакціи: Спасо-Лютеранская домъ соборного причта. Для личныхъ объясненій редакція открыта по четвергамъ отъ 2 до 4 часъ. дня.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: изъ Америки, Европы и городовъ Европейск. Россіи, за исключеніемъ губерній Пермской, Уфимской, Оренбургской, Казанской, Саратовской, Самарской, Сибирской и области Уральской принимаются исключительно въ конторѣ Т. Д. Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая и въ его отд. въ С.-П. Б. Невская № 11, по 15 к. за строку позади текста и 30 к.—впереди.

СОДЕРЖАНІЕ. Объявленія.—Артели при сооруженіи сиб. жел. дор.—Иркутская хроника.—Ночлежный домъ.—Корреспонденціи изъ Якутска и с. Малышевки.—Выкурилъ. *В. С. Налочо.*—Рождественская ночь. *А. Д.*—Сибирь. Ст. *К. Воженко.*—Думы елки. *И. Н. П—ва.*—По Колыйскому округу. *Вл. Г—ва.*—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

НА ГОДЪ—8 р., 1/2 ГОДА—5 р. и на одинъ МѢСЯЦЪ 1 руб. Съ доставкою НА ГОДЪ—11 р., 1/2 ГОДА—6 р., 1 МѢСЯЦЪ—1 р. 25 к. За сборникъ 2 р.

ЗА 4000 РУБ. продается мѣсто земли, выходящее на Амурскую и Луговую улицы, размѣр 16½×26½ саж. Объ условіяхъ узнать у В. А. Тіуцева (Амурская ул., д. Плетохина). 885—20—14.

ЗУБОЛѢЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ С. Г. ПИСАРЕВСКОЙ.

Пріемъ отъ 9 ч. утра до 5 ч. пополудни, 5-я Солдатская, д. Вираминова. 730.

Зуболѣчебный кабинетъ ЭМИЛЬ КАРДОНЧА ШПАРВАРТЪ.

Грамматиненая ул., д. № 6 Карташевой. Пріемъ больныхъ отъ 9 ч. утра; до 5 ч. дня. 873.

ЧЕРТЕЖНАЯ БРАТЬЕВЪ ХОММЕРЪ

принимаетъ на себя выполненіе чертежей, какъ строительно-архитектурныхъ, такъ и механическихъ, составленіе смѣтъ и веденіе частныхъ построекъ; тутъ же принимаются веденіе бухгалтерскихъ книгъ. Адресъ: угол м. Бѣляковской и Преображенской.

Артели при сооруженіи сиб. жел дор.

Для мѣстной газеты вопросы, касающіеся сооруженія сиб. жел. дор., представляютъ особый интересъ. На страницахъ «Вост. Обозр.» мы отводили не мало мѣста вопросу о выборѣ направленія жел. дор., способамъ ея сооруженія, слѣдили за ея техническими успѣхами, и т. п. Но, если интересенъ вопросъ о томъ, какъ успѣшно побѣждаетъ техника естественныя препятствія и какими шагами приближается къ конечной цѣли постройка жел. дор., то не менѣе интересенъ способъ какимъ жел. дор. сооружается, потому что этотъ вопросъ, какъ мы уже не разъ указывали, имѣетъ важное экономическое значеніе вообще и близко затрогиваетъ интересы мѣстнаго населенія.

Сооруженіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ уже имѣетъ свою исторію.

Былъ способъ концессіонный, такъ сказать, опытный, въ которомъ концессіонеръ или К° концессіонеровъ, оставляя за собой административную роль при сооруженіи, исполненіе работъ передавали нѣсколькимъ крупнымъ подрядчикамъ; эти послѣдніе раздавали отъ себя работы болѣе мелкимъ подрядчикамъ, которые дѣлали свою работу на части, сдавая ихъ мелкимъ рядчикамъ и наконецъ послѣдніе исполняли работы сдѣльно, артелями или поденно. При такомъ способѣ работъ каждая ступень оставляла себѣ извѣстную прибыль и вознагражденіе на затраченный трудъ, капиталъ и рискъ, что содѣйствовало увеличенію расходовъ при постройкѣ. Правительство нерѣдко приходило на помощь крупнымъ концессіонерамъ, выпуская гарантированныя процентныя бумаги. Въ результатѣ такого отношенія казна получала уже вполнѣ отстроенныя версты, но слишкомъ дорогія и не всегда удовлетворительныя въ качественномъ отношеніи.

Концессіи кончились, замѣнились подрядными способомъ, который при проведеніи сиб. жел. дор., съ удовольствіемъ сѣ въ глубь страны все болѣе и болѣе стаетъ уступать мѣсто хозяйственному способу: постройка ведется администраціей жел. дор., подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ, но при помощи мелкихъ рядчиковъ или рабочихъ артелей. Этотъ способъ работъ имѣетъ особенно большое примѣненіе на заб. уч. жел. дор., отчасти вслѣдствіе того, что онъ далъ прекрасные результаты на практикѣ, отчасти потому что для Забайкалья не находилось крупныхъ подрядчиковъ, согласившихся взять на себя дѣло въ этомъ краѣ, благодаря чему они заняли слишкомъ высокія цѣны.

Подрядный способъ работъ, само собою разумѣется, долженъ быть дороже хозяйственнаго, такъ-какъ подрядчикъ, раздаящій свой подрядъ мелкимъ рядчикамъ или рабочимъ артелямъ, уплачиваетъ имъ, быть можетъ, и не меньше, чѣмъ они-бы получили при хозяйственномъ способѣ, но сужая ихъ деньгами, инструментами и проч., онъ долженъ оставить вознагражденіе и за свой трудъ и на администрацію дѣла, а также взять процентъ за ссуду и извѣстный рискъ, неизбѣжный при всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе при желѣзнодорожномъ. Благодаря зависимости подрядчика отъ рядчиковъ и рабочихъ, онъ не можетъ представить особой гарантіи въ успѣшномъ выполненіи работъ; въ его интересахъ провести работы какъ можно дешевле; подрядчикъ, собственно говоря, участвуетъ въ дѣлѣ только своимъ оборотнымъ капиталомъ, исполненіе же работъ поручаетъ отдѣльнымъ, часто случайнымъ и мало знакомымъ съ дѣломъ лицамъ. Обезпеченіе залогомъ подрядчика можетъ вознаградить потери казны отъ неисправностей подрядчика: 1) казна сама платитъ ему процентъ на внесенный въ залогъ капиталъ; 2) залоги слишкомъ малы для покрытія прямыхъ убытковъ и притѣсненій въ сравненіи съ тѣми послѣдующими убытками, которые для казны заключаются въ замедленіи сдачи работъ, а для рабочихъ въ нарушеніи обязательствъ, часто ставящемъ подрядныхъ рабочихъ въ безвыходное положеніе.

Казна, становясь лицомъ къ лицу съ человѣкомъ труда, безъ всякихъ посредниковъ, можетъ болѣе правильно расцѣнить работы, ссужать рабочія артели необходимыми деньгами, устраивать азартную игру на пониженіе и пониженіе цѣнъ, чѣмъ въ большой степени гарантируетъ доброкачественность работъ, сохраняетъ всѣ тѣ прибыли, которыя при подрядномъ способѣ идутъ въ карманъ подрядчика и разныхъ посредниковъ.

На заб. жел. дор., какъ мы замѣтили выше, хозяйственный способъ постройки широко примѣнялся и далъ, сравнительно напр., по среди. сиб. жел. дор., прекрасные результаты. Подрядчикамъ, по договорамъ, тамъ были сданы только поставка рельсовъ, скрѣпленій, фермъ и мостовъ, цемента, желѣза, оборудованіе мастерскихъ, приборовъ для водоснабженія, доставка грузовъ и т. п., т. е. такіе предметы, изготовленіе которыхъ должно быть исполнено ранѣе постройки или требуетъ сооруженія особыхъ приспособленій, погашеніе которыхъ должно быть растянуто на болѣе или менѣе долгое время. Всѣ же остальныя работы велись преимущественно хозяйственнымъ способомъ, для чего были заготовлены необходимые инструменты, рабочая сила и опытные производители работъ. Управленіе постройкой заб. жел. дор. приглашало на работы организованныя рабочія артели или организовывало новыя артели и заключтвовало единичныхъ рабочихъ. Сдавались работы и мелкимъ рядчикамъ, но обыкновенно такой рядчикъ вначалѣ служилъ, какъ десятникъ—на жалованьи и уже потомъ, когда знакомился съ условіями работъ, бралъ на себя постройку небольшихъ участковъ дороги. Подобные рядчики оказывались болѣе на мѣстѣ, чѣмъ взявшіе работу съ самаго начала рядными способомъ; среди этихъ рядчиковъ были приглашены и рабочія артели, съ которыми рядчики передъ тѣмъ работали вмѣстѣ, и артель была лично съ ними знакома. При этомъ артель или брала работу отъ рядчика или непосредственно отъ казны, причемъ обыкновенно рядчикъ съ обоюднаго согласія артели и казны оставался десятникомъ при работахъ и получалъ жалованье отъ казны. Кромѣ того, сами строители дороги составляли артели по деревнямъ тѣхъ мѣстностей, въ округѣ которыхъ привелось извѣстное мастерство, напр., смоленскіе и ковенскіе землекопы, владимірскіе, нижегородскіе, рязанскіе плотники и каменщики, тверскіе, калужскіе каменотесы и т. д. Такія артели, предоставляя изъ себя людей одного мастерства, знали хорошо степень опытности каждаго члена, какъ однородныя, быстро сплачивались и самостоятельно становились на работы. Даже единичные закоптрактованные рабочіе, благодаря совмѣстной жизни и работѣ, скоро проникались сознаніемъ пользы общиннаго начала и образовывали артели. Мѣстное населеніе, нѣтъ уже въ своей средѣ артельное начало (при земледѣльческомъ, рыбномъ, звѣродобномъ и др. промыслахъ), приступало къ желѣзнодорожнымъ работамъ артелью, и въ Забайкальѣ явились семейныя земледѣльческія, бурятскія плотники, поставщики лѣса и проч.

Желѣзнодорожныя артели существуютъ уже давно и при постройкѣ жел дор. имѣютъ большое основаніе. Но къ сожалѣнію, на нихъ обращалось очень мало вниманія, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Не смотря на то, что артель затиралась концессіонными и подрядными способами, она продолжала существовать. Но его примѣненіе никогда не было такъ широко, какъ при постройкѣ заб уч жел. дор. Это объясняется тѣмъ, что правительство, имѣя въ виду, что постройка жел. дор. будетъ производиться на далекихъ и пустынныхъ окраинахъ, признало необходимымъ снабдить строителей операціоннымъ авансомъ, который для заб. уч жел дор. былъ опредѣленъ (мин. фин., мин. пут. сообщ. и госуд. контроль) въ 3 милл. руб. Благодаря этому авансу, и оказалось возможнымъ ввести постройку жел. дор. хозяйств. способомъ. Насколько этотъ способъ широко примѣнялся въ Забайкальѣ, читатель можетъ видѣть изъ отчета управл заб. сиб. дор., напечатаннаго въ № 145.

Иркутская хроника.

➡ При Вост.-Сиб. отдѣлѣ И. Р. Г. О. возобновляется редакціонная комиссія, не дѣйствовавшая уже нѣсколько лѣтъ. Комиссія, кромѣ редакціи научныхъ работъ, для чего въ составѣ ея входитъ спеціалисты, будетъ слѣдить за правильнымъ выходомъ «извѣстій» и «записокъ» отдѣла. «Извѣстія» предполагается выпускать не менѣе пяти книжекъ въ годъ.

➡ Секція физической географіи при В.-С. Отд. уже начала дѣйствовать и въ наступающемъ году въ этой секціи предполагается нѣсколько засѣданій. Будемъ надѣяться, что и двѣ другія секціи—статистики и этнографіи въ недалекомъ будущемъ откроютъ свои засѣданія. Мы слышали, что распорядн. комитетъ отдѣла думаетъ приступить къ оживленію секціонной дѣятельности.

➡ Директоръ иркутской гимназіи И. Н. Румянцъ на дняхъ возвращается изъ отпуска.

➡ Ангара встала въ 40 верстахъ ниже Иркутска, у Усть-Балея. Обозы переходятъ по льду въ Тельмѣ.

➡ Не можемъ не отмѣтить слѣдующаго симпатичнаго факта: Служащіе на фабрикѣ г. Бѣлоусовыхъ въ Тельмѣ рѣшили отчислять по 1 коп. съ жалованья для устройства у себя библіотеки. На будущій годъ они выписываютъ: «Биржевыя Вѣдомости», «Сибирь», «В-ст. Обозр.», «Р. сская Мысль», «Всемірная Иллюстрація» и ин. др. газеты и журналы.

➡ Въ Тельмѣ появилась корь и оспа. Хворяютъ преимущественно дѣти; было нѣсколько смертныхъ случаевъ.

➡ И. д. помощника инспекторскаго губерн. врачебн. инспектора Вайгродскій назначенъ и. д. иркутскаго области медицинскаго инспектора.

➡ На должность иркутскаго военно-медицинскаго инспектора назначается дивизіонный врачъ 29 пѣх. див. статскій совѣтникъ Безобразовъ.

➡ На Рождествѣ предполагается елка въ первой воскресной школѣ, устраиваемая по подпискѣ учителями.

➡ «Вост. Обозр.» на праздникахъ выйдетъ въ слѣдующіе дни: въ декабрѣ 28 и 29 (послѣдній № будетъ указатель къ статьямъ за 1896 годъ), въ январѣ 1, 3 и т. д. по обычному.

➡ Въ ночь на 20 декабря, по Большой Б. ул., въ д. Александрова, со воломъ замка у амбара, украдены разныя домашнія вещи и платье, стоимостью до 250 руб.

➡ Между 6 и 8 час. утра 20 декабря, на Пескеровской ул., изъ шубной лавки Куратова, со задомъ замка у двери, совершена кража одной барнаульской шубы и изъ кассы 318 р. 50 к.

Ночлежный домъ

Одинмъ изъ учрежденій, гостепріимно отпирающимъ двери передъ каждымъ желающимъ, безъ различія, является ночлежный домъ: каждую ночь здѣсь находятъ пріютъ человѣкъ около 200, а то и болѣе, особенно въ зимніе холода, когда кирпичные сараи, рытушки и наконецъ стаканчики слишкомъ недостаточными для защиты отъ холода. Наполнительно ночлежный домъ начинаетъ съ пяти часовъ вечера; не отказываютъ и приходящимъ ночью. Много безпріютныхъ, убогихъ и старыхъ находятъ здѣсь теплый уголъ, которымъ они пользуются безпрерывно до утра.

Утромъ все населеніе ночлежнаго дома, составъ котораго, въ большемъ его числѣ, измѣняется ежедневно, разбредается,—кто на подаяніе, кто за подаяніемъ... У многихъ нѣтъ приличной одежды, чтобы поступить куда-либо на мѣсто. Уволги старухи и старики, имѣющіе возможности даже имѣющіеся содержать себя, пытаются оказываться собратьями, которые обыкновенно дѣлаются послѣдними грѣшными съ собратами по несчастью.

Помѣщеніе ночлежнаго дома состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ комнатъ въ двухъэтажномъ домѣ. Всюду сдѣланы нары, на которыхъ, почти не раздѣваясь и спятъ ночлежники. Хотя полъ и нары моются раза два въ недѣлю, но чистоту трудно поддержать, такъ-какъ посѣтители постоянно приносятъ кучу грязи и паразитовъ; о банѣ имъ и думать не приходится, такъ большинство можетъ только существовать на чаѣ и хлѣбѣ, который теперь, по инициативѣ добрыхъ людей, стаетъ продаваться въ ночлежномъ домѣ сравнительно за дешевую цѣну: 2 к. ф. (около фунта) хлѣба, 1 к. кусокъ сахару и чай на неограниченномъ количествѣ.

Количество женщинъ въ ночлежномъ домѣ, сравнительно съ мужчинами, очень незначительно: около 1/10 части, а то и менѣе. Это вѣроятно, объясняется между прочимъ, и большей принадлежностью женщины къ семьѣ, а также и меньшимъ количествомъ пришлаго элемента изъ среды женщинъ.

Нельзя не сказать добраго слова какъ инициаторамъ этого учрежденія, такъ и всѣмъ, кто такъ или инымъ способомъ содѣйствуетъ его существованію и стремится, чтобъ это учрежденіе возможно полнѣе удовлетворяло запросы бѣдноты.

Корреспонденціи.

Якутскъ. Сообщаю для напечатанія обращчикъ грамотности нашихъ Я(кутскихъ) писарей:

«Господину Я(кутскому) мѣщанскому Старостѣ Я(кутскаго) мѣщанина Петр. Иванова (Поскочина) Предложеніе Нѣкоторые изъ наихорошѣе прожитъ Вась Голодина Старосту моего общества Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! предоставъ Обществу моихъ со граждане мое желаніе принять на себя трудъ подъпоручаодстоу общественныхъ мѣсяцевъ при нѣкоторомъ Вамъ мѣщанскомъ Управленіи Канцелярскихъ работъ.

«Обращаясь къ Тебѣ моимъ Общественникамъ я, нижеда обнаружить господинъ. Имѣю отъ роду 47 лѣтъ нихъ лѣтъ въ молодыхъ лѣтъ не отлучалъ нѣмогъ прибрѣсть довѣрія Общества, и прибыли досего времени въ разсуѣ отъ моего Общества, но, не по Суду а для промышленности трудомъ къ мнѣ нѣмому существенно Необходимо можетъ со гражданами, что промыслъ мой состоявлетъ Концелярскій трудъ.

«Имѣя при Городѣ Осѣдость, а начѣ жеаи оставка моихъ лѣтъ прошести въ кругу своихъ Обществонникъ» и ближайшіе прошу для пользы Службы и Общества внимаяя моихъ со Гражданъ и Вась Старостъ. Довѣрить мнѣ дѣлопроизводство нашего мѣщанскаго Управленія вышеуказное вознаграждеаія за трудъ всегдашнюю платы дѣлопроизводителя по примѣру прежнихъ.

«Благое вниманіе со стороны Общества и Вась Мѣщанскій Господинъ Иванъ Ивановичъ прошу жеаи» имѣвать отвѣтъ адресуя въ (мѣщанскую) крестьянскую Мірскую Избу Письмоводителю (Поскочину). Я(кутскій) мѣщанинъ Петръ Ивановъ (Поскочинъ). Ноября 6 дня 1896 года. Гор. Я(кутскъ).

Надѣюсь, что редакція дастъ мѣсто въ уважаемой газетѣ этому курьезному «предложенію» — слезавичкѣ, какъ назвалъ проситель. Текстъ съ подлинниковъ много тщательно провѣренъ.

Какого-то должно быть положеніе инородцевъ и крестьянъ нашего края, бывавшими свѣдѣтелями и руководителями которыхъ являются такіе грамотѣи—писари!

Р. S Устройство въ Якутскѣ дома трудолюбія начинаетъ осуществляться. На бывшемъ 17 октября, въ зданіи дешевой столовой, обычномъ годовомъ собраніи членовъ мѣстнаго благотворительнаго общества—попечителя о бѣдныхъ почти собранъ капиталъ на постройку зданія дома трудолюбія. Крупныя пожертвованія сдѣлали купцы А. М. Кушнаревъ и Н. Д. Эверстовъ: первый пожертвовалъ деньгами 2000 р. и 1000 шт. бревенъ, а второй 1000 р.

С. Малышевка. Въ одной волости поймали двухъ бродягъ. Пришли на допросъ въ волостное правленіе. Начали спрашивать по пунктамъ. Сначала на одинъ пунктъ спросятъ одного, потомъ на тотъ-же пунктъ другого и т. д. Спрашиваютъ перваго:

—«Ты кто такой?»

—Никто.

Спрашиваютъ другого:

«А тоже какъ имя?».

—«Такъ-же, какъ его»,—указываетъ на перваго.

Спрашиваютъ перваго:

«Ты чѣмъ занимаешься?»

—Ничѣмъ.

—«А ты чѣмъ занимаешься?»

—Ему помогаю.

—«Ты гдѣ живешь?»—въ первому.

—Нигдѣ.

—А ты гдѣ живешь?—ко второму.

—«Насупротивъ его».

Выкурилъ.

I

—Нѣтъ, уже это что-же, Георгій Ивановичъ: нижаю четвертый разъ все послѣ двадцатаго обращаетесь отдать, а все ничего,—говорилъ кучерского вида человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ бритымъ подбородкомъ, рыжеватыми

усами, изсѣра зеленоватыми глазами и желтоватыми волосами, остриженными въ скобку. Онъ стоялъ неподалеку отъ двери просторной комнаты, гдѣ у стола подъ окномъ сидѣлъ другой человѣкъ и читалъ книгу.

Говорившій былъ одѣтъ въ черное, ватное драповое пальто и громадныхъ размѣровъ бѣлые съ красными и черными крапинами наленки; изъ-за нелостегнутаго воротника пальто виднѣлся нѣсколько разъ вокругъ шеи намотанный вязаный гарусный шарфъ яркаго зеленаго цвѣта.

Сидѣвшій у стола съ книгой въ рукахъ по внѣшности былъ полнѣйшій противоположностью говорившему.

Черные, слегка волнистые волосы на головѣ острижены были довольно коротко бобрикомъ, черные усы закручены въ стрѣлку, подбородокъ украшала изящная эспаньолка.

Сидѣвшій господинъ одѣтъ былъ въ сѣрыя брюки и такой-же пиджачокъ, изъ-подъ котораго виднѣлась бѣлая ночная рубаха; жилета не было, на ногахъ надѣты были рваныя туфли.

Медленно приподнявъ голову, склоненную надъ книгой, Георгій Ивановичъ глянулъ на кучерского вида человѣка красными теплыми, томными, какъ-бы усталыми глазами и слегка отвернулся отъ стола.

— Что-же дѣлать, Василій Петровичъ, когда такъ обстоятельства складываются: совершенно непредвидѣнные случаи. Разсчитываешь такъ, а выходитъ совсѣмъ иначе.

— Это я каженный разъ отъ васъ слышу, да намъ отъ этого не легче. Пожалуйте, четвертый мѣсяцъ за фатеру не платите. Намъ самимъ вѣдь тоже деньги надобны. Ежели-бъ не вы, у васъ давно жильцы просятся и не какіе-нибудь, даже напередъ деньги даютъ.

Георгій Ивановичъ уже не слушалъ, онъ весь погрузился въ чтеніе и не смотрѣлъ вовсе на говорившаго. Тотъ замѣтилъ это и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ въ голосѣ вновь заговорилъ.

— Такъ какъ-же? деньжонокъ не дадите? Вы-бы хошь половину-то заплатили, мы-бы остальныя подождали.

Василій Петровичъ сморщилъ и съ раздраженіемъ вопросительно посмотрѣлъ на читающаго, который не отрывался отъ книги.

— Эй,—окликнулъ онъ его,—и слушать не хошь, что-ли?

Георгій Ивановичъ поднялъ глаза отъ книги и хмуро глянулъ на говорившаго.

— И слушать, говорю, не хочешь? Я ему объ дѣлѣ, а онъ и не слушаетъ.

— Прежде всего и попросилъ-бы васъ быть вѣжливѣе и не говорить мнѣ ты; на это я вамъ не давалъ права, а затѣмъ, я уже вамъ сказалъ, что теперь денегъ нѣтъ, а отдамъ послѣ двадцатаго,—довольно рѣзко проговорилъ Георгій Ивановичъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался шумъ при помощи щетки объ доски пола, когда вымѣтаютъ откуда-нибудь изъ-подъ мебели.

— Да ты чего шибко хорохоришься, чего на меня кричишь? возвышая голосъ, не унимался Василій Петровичъ: за фатеру деньги отдавай, а не то выбирайсь!

— Замолчите и уходите!—въ свою очередь повышенъ голосъ, перебилъ домохозяина Георгій Ивановичъ.

— Чего молчать?! Я вотъ къ приставу пойду, онъ-те покажетъ, жильцовъ-отъ какой, а еще изъ родъ какъ господинъ. Прощывала!

— Анна! ты слышала?—крикнулъ Георгій Петровичъ въ сосѣднюю комнату.

Въ дверяхъ появилась растрепанная, неряшливая женская фигура съ половой щеткой въ рукахъ. Фигура остановилась на порогѣ и, сонными глазами глядя въ пространство, громко щелкала челюстями, занятыми жеваніемъ «сѣрки».

— Я насъ привлеку къ суду,—продолжалъ Георгій Ивановичъ въ сторону квартирохозяина,—за оскорбленіе. Ты, Анна будешь свидѣтелемъ.

Анна безучастно посмотрѣла на обоихъ, продолжая громко жевать.

— Суду, гуу!—передразнилъ Василій Петровичъ.—Тотъ, ужо, къ приставу пойду, онъ-те судъ покажетъ,—проговорилъ онъ и вышелъ, съ силой захлопнувъ за собой дверь.

Георгій Ивановичъ вновь зарылся книгой, и Анна скрылась въ сосѣдней комнатѣ.

II

Георгій Ивановичъ Потносовъ какъ-то незамѣтно появился въ городѣ неизвѣстно откуда и сталъ тоже незамѣтно своимъ человѣкомъ въ немъ. Чѣмъ онъ жилъ онъ былъ въ дѣйствительности никто не могъ сказать съ точностью. На визитныхъ карточкахъ его виду стояло сомнительное и нѣсколько непонятное «юристъ практикъ», но этимъ никто не интересовался и никто этому не придавалъ никакого значенія. Въ мѣстномъ судѣ онъ никогда не выступалъ въ роли чьего-бы-то ни было повѣренныхъ, хотя кое-кому и писалъ прошенія, разумѣется не безвозмездно. Случалось это не особенно часто, потому что у «юриста практика» была довольно своеобразная манера составлять прошенія. Изложивъ обыкновенное болѣе или менѣе понятно сущность жалобы или иска, Георгій Ивановичъ въ концѣ писалъ: «а по сему, на основаніи такихъ-то статей, имѣю честь покорнѣйше просить и т. д.». При этомъ статей вставлялъ онъ всегда въ большомъ количествѣ, но такихъ, которыя не имѣли абсолютно никакого отношенія къ дѣлу, о которомъ шла рѣчь. Напр., если дѣло шло о привлеченіи кого-нибудь за оскорбленіе, Георгій Ивановичъ ставилъ цѣлый рядъ статей, трактующихъ о нарушеніи таможенныхъ и нотаріальнаго устава, или, возбуждая гражданскій искъ, онъ подкрѣплялъ свои доводы статьями уложенія, опредѣляющими наказаніе за отцеубійство, поджогъ, присвоеніе непринадлежащаго имущества и все въ такомъ-же родѣ.

Изъ этого можно заключить, что Георгій Ивановичъ былъ довольно оригинальнымъ «юристомъ», и говорили, что курсъ юридическихъ наукъ онъ прошелъ внѣ какого-либо университета или лицея, а на практикѣ, побывавъ многократно подъ судомъ; отсюда, надо думать, и явилось на карточкахъ прибавленіе къ слову юристъ—«практикъ». Какъ-бы тамъ ни было, но юриспруденція не была его главной профессіей.

Судя по его сѣмыкамъ квартирохозяину на 20-е число, можно-бы думать, что Георгій Ивановичъ служитъ въ какомъ-нибудь учрежденіи, гдѣ 20-го числа выдаютъ жалованіе, но это было-бы ошибочно. Большее или меньшее обиліе денегъ въ кошелькѣ Подносова находилось въ непосредственной связи съ 20-мъ числомъ, но не потому, чтобы онъ самъ получалъ въ этотъ день жалованіе.

Георгій Ивановичъ по будиямъ и праздникамъ аккуратно выходилъ изъ дому въ половинѣ двѣнадцатаго. Въ это время вы всегда можете его видѣть съ неизмѣннымъ, блестящимъ цилиндромъ на головѣ, безукоризненно одѣтаго въ скупеную шубу или, соотвѣтственно сезону, пальто, съ тростью или, зонтикомъ въ правой рукѣ, направляющимся въ одну изъ гостиницъ, въ ресторанъ которыхъ имѣется билліардъ.

Придя въ ресторанъ, Георгій Ивановичъ выпивалъ рюмку водки, закусывалъ бутербродомъ съ икрой и выходилъ изъ буфета въ билліардную. Довольно часто въ это время ресторанъ посѣщали люди свободныхъ профессій и иногда кое-кто выражалъ желаніе сыграть на билліардѣ. Георгій Ивановичъ всегда готовъ былъ къ услугамъ, но онъ игралъ лишь «на интересъ».

Если пожелавшій играть приходилъ съ своимъ партнеромъ, Георгій Ивановичъ предлагалъ кому-нибудь изъ посѣтителей держать за того или другого и мало-по-малу собиралъ и играющихъ.

Въ ресторанѣ онъ оставался до 6 час., когда, пообѣдавъ, возвращался домой, профланировавъ немного по главной улицѣ, гдѣ надѣялся своей внѣшностью соблазнить какую-нибудь богатую купчиху или вообще вдову.

Возвратясь домой, Подносовъ ложился отдыхать, чтобы запастись свѣжими силами на ночь, которую, вплоть до закрытія ресторана, проводилъ въ билліардной.

Двадцатое число и ближайшіе къ нему послѣдующіе 2—3 дни пили для Георгія Ивановича то значеніе, что столованчальники, къ вожжаніямъ и т. п. рапра люди въ это время устраивались въ ресторанъ и давали обильную жатву умѣнію, довольно и счастію Подносова.

По утрамъ, до половины двѣнадцатаго Георгій Ивановичъ пилъ чай и читалъ. Чтеніе для него было потребностью, причемъ любимыми авторами его были Габеріо, Понсонъ-дю-Террайль и т. п. творцы романовъ съ страшными заглавіями въ родѣ «Кровавая рука», «Мертвая нога» или «Адская месть» и т. д.

Инцидентъ съ Василіемъ Петровичемъ не былъ новостью для Георгія Ивановича; къ подобнаго рода разговорамъ онъ давно привыкъ, ибо никогда не имѣлъ привычки платить за квартиру.

Отсутствіе этой привычки выработалось у него не вслѣдствіе злонамѣренности, а какъ-то случайно. Обыкновенно, можетъ около 20-хъ чиселъ обильные плоды въ билліардныхъ лузахъ, Георгій Ивановичъ имѣлъ самое искреннее намѣреніе уплатить квартирохозяину за занимаемое помѣщеніе, но не дѣлалъ никогда этого въ тотъ-же день, такъ какъ усѣвшись себѣ гдѣ-то суевѣріе, будто деньги не будутъ водиться, если ихъ станешь отдавать въ день полученія.

Но на слѣдующій день случалось всегда такъ, что часть ихъ черезъ тѣ-же билліардныя лузы переходила изъ кармана Подносова въ чей нибудь другой. Тогда, уплативъ за обѣдъ, прачкѣ, въ гастрономическій магазинъ и еще кой куда, Георгій Ивановичъ приходилъ къ тому заключенію, что больше расходовать денегъ нельзя: необходимо всегда имѣть нѣкоторую сумму для игры, и квартирохозяинъ, поневолѣ, оставался неудовлетворенымъ. Такъ бывало почти каждый разъ, такъ было и съ Василіемъ Петровичемъ вотъ уже четвертый мѣсяцъ теперь.

Квартирохозяинъ, которымъ Георгій Ивановичъ не платилъ, сначала надоѣдалъ просто напоминаніемъ, потомъ грозилъ полиціей, потомъ лишалъ его разныхъ удобствъ, въ родѣ мебели, не давалъ самоваръ, переставалъ топить въ холода и т. п., но Георгій Ивановичъ былъ долготерпѣливъ и сдавался лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

III.

Прошли 21, 22, 23 и 24-е числа, а Георгій Ивановичъ не сдержалъ своего обѣщанія Василію Петровичу и въ четвертый разъ: не заплатилъ ему ничего за квартиру. Василій Петровичъ грозилъ тогда приставомъ совершенно напрасно: онъ давно уже побывалъ въ участкѣ, но тамъ прекрасно знали привычку Подносова и посмѣивали жаловавшимуся лучше прибѣгнуть къ своимъ средствамъ для взысканія неуплаченнаго жильца.

25-го утромъ, когда Георгій Ивановичъ, умывшись, прошелъ въ комнату, служившую ему столовой, онъ не нашелъ на столѣ самовара. Прислужница Анна объявила, что хозяинъ не велѣлъ давать, пока не будетъ заплачено за квартиру.

Георгій Ивановичъ зналъ прекрасно что это значитъ, но сдѣлалъ видъ, что крайне возмущенъ, пригрозилъ, что будетъ куда-то жаловаться начальству, но лишь для одной только видимости; онъ рѣшилъ запастись терпѣніемъ.

Спустя недѣлю, возвратившійся въ три часа ночи Георгій Ивановичъ, по обыкновенію, закрытію разлѣнился, улегся спать, но гораздо ранѣе 10-е утра проснулся отъ довольно ощутительнаго холода. Онъ пощупалъ стѣнку печи и убѣдился, что печь не топлена. Прекрасно понимая, что это значитъ, Георгій Ивановичъ встѣхъ позвалъ Анну и спросилъ ее: почему не топили нижнюю печь?

Дрожь натуги; хозяинъ сказывалъ, что ежели за фатеру деньги заплатите, такъ дровъ купитъ и тоже истопитъ, а то вышли, сказывалъ, всѣ дрова.

Опять что-то прибормотавъ Георгій Ивановичъ въ родѣ обѣщанія жаловаться и что такъ безсовѣстно поступать, что онъ не собака. Но все-таки рѣшилъ протерѣть до конца. Онъ былъ обстрѣленный, старый воробей, которому иной разъ удавалось переждать хозяйскія мѣры притѣсненія въ этомъ видѣ; иные начинали впослѣдствіи топить. Приходилось-ли это изъ гуманныхъ побужденій, начинали-ли они соображать, что Георгій Ивановичъ все-таки не таракашъ, что-бы его выморачивать, или просто боялись непортить квартиру, не знаю, но фактъ тотъ, что, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго эксперимента въ такомъ родѣ, печь начинали топить.

Прошло еще дня три, Георгій Ивановичъ спалъ въ шубѣ, и голову повязывалъ мохнатымъ полотенцемъ (не въ цилиндрѣ-же ему было спать), но не подзавалое; онъ рѣшилъ протерѣть и около 20 на этотъ разъ непремѣнно заплатить хоть половину.

Возвратившись на четвертый день ночью изъ ресторана, Георгій Ивановичъ повалъ въ комнатенку пустую квартиру: всѣ исчезъ, за исключеніемъ одной кровати исчезла изъ комнатъ.

— Гм! что-же-бы это значило? мысленно спросилъ себя Георгій Ивановичъ, со свѣчей въ рукѣ оглядывающій всѣ три комнаты своей квартиры.

Вопросъ этотъ относился, конечно, не къ отсутствію мебели вообще: Георгій Ивановичъ прекрасно зналъ, что это лишь навѣстный маневръ, не разъ имъ уже испытанный. Для него было непонятнымъ то обстоятельство, что ему оставили кровать. Обыкновенно, когда прибѣгали къ выжиманію его съ квартиры посредствомъ лишенія мебели, уносили и топить, такъ что спать приходилось на полу.

— Культурный человѣкъ Василій Петровичъ—подумалъ Георгій Ивановичъ, повязы-

---

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Опять вы, образы туманные, со мною.
Гете.

По широкой рѣкѣ уснувшей Невы, по узкой дорожкѣ среди разстаявшихъ елокъ, она медленно шла, спотыкаясь и скользя по гладкому льду. Впереди виднѣлись неясныя очертанія береговыхъ зданій, направо далеко разбѣгались линіи фонарей, а налѣво взглядъ терялся въ безконечномъ темномъ пространствѣ. На небѣ свѣтились звѣзды, но не такія яркія и большія, какъ на родинѣ... А между тѣмъ этотъ просторъ и тишина такъ и напоминали ее. Тамъ осталась семья, родные, дѣтство, молодыя грезы...

Но теперь при воспоминаніи о нихъ сердце уже не сжимается тоской, нѣтъ боли. Эта чужбина уже стала дорогой, любимой И какъ этотъ просторъ съ ея темнѣющей линіей гранитныхъ береговыхъ строѣнія величественныхъ зданій, съ пряными электрическими фонарями разнится отъ дикаго и пустынного простора ея родины, такъ и новая жизнь съ своими запросами и интересами далеко ушла отъ жизни той, прежней...

Было уже поздно, и даже тревожная петербургская жизнь начала затихать. Это было ея первая Рождественская ночь на чужбинѣ. И невольно мысль рисуетъ прошлое съ его привычной обстановкой, картинами. Вотъ уютная комната, съ пестрой хозяйной на полу, съ немногой скромной мебелью; лампадка свѣтится яркимъ мягкимъ огонькомъ передъ кроткими ликами святыхъ; передъ ними на колѣняхъ мать тихо шепчетъ свои молитвы. Въ уголку прижавшись сидитъ сестренка и внимательными глазками смотритъ на мать и иконы: смѣшное важное выраженіе ея личика говоритъ, что въ душѣ ея складываются какія-то первыя серьезныя мысли. Вотъ и сама она, Наста, забралась съ ногами на диванъ и отдалась мечтательному тихому настроенію; она точно чувствуетъ, какъ ея сердце заливаетъ волна какого-то сладкаго умиленія. Во имя Того, о Которомъ теперь всѣ вспоминаютъ, Который когда-то принесъ завѣты любви,—и ей сегодня хочется всѣхъ любить, молиться, отдать людямъ свою молодую жизнь и силы...

Но вотъ и берегъ. Она быстро избѣжала по ступенькамъ и повернула въ 4-ю линію.

Да, она добилась своего: первый путь къ этому служенію, въ полезному труду — сдѣлалъ; она уже не у берега, она плыветъ по широкому морю, и завѣтная цѣль ея уже мелькала вдали. Здѣсь она научится, какъ нужно работать.

«Я вы, дорогіе, далекіе, подождите, я не ушла отъ васъ, я—ваша, я вернусь опять къ вамъ...

Подъ этимъ новымъ напыломъ мыслей и чувствъ дѣвушка уже не шла, а бѣжала. Вотъ и Большой проспектъ, по которому бѣжитъ запоздалая конка, вотъ витрина, гдѣ висятъ портреты ея любимой пѣвицы, вновь открывшей передъ нею поэзію человѣческаго голоса. Вотъ вывѣска конторы «Вѣстника Европы», дальше, дальше. Средній проспектъ промелькнулъ незамѣтно. Вотъ и конецъ—этотъ скромный деревянный домикъ, какъ-то анахронизмомъ выглядящій среди сосѣдей—каменныхъ гигантовъ. Наста быстро скользнула въ калитку, подвалась по небольшой лѣстницѣ и позвонила. Толстая добродушная старушка отворила дверь и сказала, улыбаясь: «Вы что такъ поздно, барышня,—всѣ ужь давно пришли!» — Задержали Марьюшка,—весело бросила она, кивнувъ головой, и узнавъ крутыми коридорчиками пробѣжала въ большую комнату, гдѣ въ одномъ углу были свалены въ кучу шубы и шапки, галоши и муфты. «Наконецъ-то» раздалось нѣсколько привѣтствій: что такъ долго? Мы уже елку зажгли»—Елку? удивилась дѣвушка—какую елку?—«Пойдемъ, пойдемъ скорѣе—торопила ее маленькая веселая блондиночка—какая елка-то чудесная»!.. Въ небольшихъ комнаткахъ была страшная тѣснота,—свѣжему человѣку, вѣроятно, показалось-бы немыслимымъ находить здѣсь удовольствіе—духота, жара, всюду разставленныя ноги, толчки, шутки, смѣхъ. Но подруги какъ-то ухитрились добраться до слѣдующей комнаты, и здѣсь дѣйствительно посрединѣ стояла елка; величиной она была не болѣе аршина, украшалась свѣчками, а кругомъ висѣли карточки. «Это что такое?—еще болѣе изумилась пришедшая и, станъ на колѣни, принялась разсматривать. Здѣсь точно были карточки—все знакомыя дорогія почитаемыя лица — цѣлая плеяда ученыхъ и писателей, а на оборотѣ каждой карточки была надпись съ скромнымъ привѣтомъ и фамиліей того, кому она предназначалась. «Какъ это, остроумно, мило!—вотъ не ожидала! Спасибо, кто придумалъ это!

Но ея восклицанія были прерваны: какой-то шутникъ разбѣжался и перепрыгнулъ черезъ елку, а другіе схватились за руки и съ веселымъ пѣньемъ принялись приплясывать кругомъ. Наста невпопадъ даже скопфуилась отъ неожиданности, но не утерпѣла и къ такту сама подхватила «русскую».—Вотъ, молодецъ! раздалось кругомъ, «Таня, Егоровна! гдѣ Егоровна? скорѣе, иди, иди, валяй!» Изъ толпы быстро выскочилъ молоденькій студентикъ съ нѣжнымъ розовымъ лицомъ и свѣтлыми волосами, переменно—весело расхлаивался и принялся плясать. Елку оттащили въ сторону, кто-то началъ подыгрывать на гитарѣ, появились еще пары, и не кончивъ русской, закружились въ быстромъ вальсѣ подъ прихотливо измѣненный темпъ музыки. Произошло что-то совсѣмъ невообразимое—всѣ толкались, прыгали, вертѣлись, кому не хватало мѣста, перескакивали черезъ стулья, вылетали въ другія комнаты, увлекали отсталыхъ и снова кружились, кружились. Вдругъ отчаянный аккордъ оборвалъ музыку, и бѣшеное веселье поневолѣ начало утихать. Запыхавшіеся, раскраснѣвшіеся танцоры валились на стулья, на шубы, на полъ, кто—куда. Хохотъ и смѣхъ звучалъ заразительными взрывами. «Самоваръ несутъ, дайте дорогу, пустите, пустите, господа!» и двое студентовъ торжественно пронесли громадный кипящій самоваръ. Появились откуда-то стаканы, чашки, кружка, сливочники и сахарницы наполнялись водой, и всѣ съ тѣмъ-же усердіемъ принялись за чай. Въ это время изъ смежной комнаты раздалась громкая выразительная пѣсня: «Изъ страны, страны далекой»—и точно захватила собою каждаго присутствующаго, заставляя какъ-то невольно примыкать къ хору и сливаться со всѣми въ одномъ общемъ одушевленіемъ всѣхъ чувствъ.

За этой пѣсней шла другая, третья—веселые мотивы смѣнялись протяжными; буйное настроеніе стало уступать меланхолическому, тоскующему. Всѣ какъ-то растроглись, разбились, послушались разговоры...

Духота усиливалась еще больше, воздухъ почти сталъ непрозрачнымъ, клубы табачнаго дыма висѣли тяжелыми облаками, но веселое общество и не обращало на это вниманія. Въ суетливой лихорадочной петербургской жизни, веселая молодость проходитъ такъ быстро, и минуты неподдѣльнаго искренняго веселья повторяются не часто.

Подъ вліяніемъ общаго настроенія и Наста оказалась гдѣ-то въ углу на кучѣ шубъ, съ удобствомъ замѣшившей ливаны. Рядомъ съ ней сидѣлъ невысокій черный студентъ съ длинными черными усами и нѣсколько вялой и апатичной физіономіей. Онъ, видимо, собирался заговорить, но поджидая удобный случай, кусалъ свои усы. Удобный случай не заставилъ ждать, онъ спросилъ: «Вы откуда пріѣхали?»—Изъ Т.,—отвѣчала дѣвушка, недоумѣвая, почему это интересуетъ совершенно незнакомаго ей человѣка. Но онъ уже опять не зналъ, какъ продолжать разговоръ. «А вы откуда?—рѣшила помочь ему Наста, но не дождалась и отвѣта, вдругъ повинуясь какому-то движенію — всѣ притихли, замолчали, разступились. Посреди комнаты стоялъ высокій худой человѣкъ, его блѣдное продолговатое лицо было окружено длинными сѣдыми волосами и сѣдой бородой. Его живые темные глаза свѣтилась яркимъ свѣтомъ. Онъ держалъ въ одной рукѣ шапку, другой, раскланиваясь, сдѣлалъ жестъ кругомъ. Наста вздрогнула, услышавъ глухой, знакомый голосъ...

«Наста, Наста, что съ тобой? Ты дрожишь, бѣдняѣшь.... Ея нуро, она надаетъ, воды, воды скорѣе!»

«Что случилось? Что со мною? спрашивала Наста, открывая глаза. Кто это былъ? гдѣ онъ?..

«Кто? о комъ ты говоришь? Съ тобою что?» Ее всѣ обступили, разспрашивали, подавали ей воды, спирту, старались успокоить. Потрясенная, она разсказала, что ей представилось. Слова старика точно еще звучали въ ея ушахъ, когда она передавала ихъ.

«Да вѣдь онъ-же умеръ»... сказалъ кто-то. И всѣ почувствовали себя какъ-то странно, напряженно. «Сумасшедшая дѣвчонка», —пробормоталъ одинъ.

«Ты не видала-ли выходца съ того свѣта?—шутилъ другой.

Но Наста не слыхала шутокъ и насмѣшекъ.

ван полотенцемъ голову,—нашелъ, что матрацъ класть на полъ неудобно.

Вызванная на утро Анна объяснила, что мебель взяли для какихъ-то родственниковъ Василія Петровича, пріѣхавшихъ въ городъ, а кровать осталась, потому что въ дубарѣ были дни записныхъ; эта не понадобилась.

— Ничего, жить можно!—рѣшилъ Георгій Ивановичъ, ухудшенъ половинѣ двѣнадцатаго изъ дому,—потерпю, а 21-го непремѣнно отдамъ.

IV.

Въ холодную квартиру эти дни Георгій Ивановичъ не возвращался для послѣобѣденнаго отдыха и сильно страдалъ отъ этого. Сидя на диванѣ въ билліардной отъ 6 до 9-ч. вечера онъ подремывалъ слегка, но это его еще хуже истомляло его и лишало нужныхъ силъ и бодрости для ночной работы.

Сегодня онъ поршилъ пойти домой и соснуть во что-бы то ни стало.

Войдя въ квартиру, онъ былъ пріятно пораженъ: Анна сидѣла на корточкахъ передъ печкой и накладывала въ нее дрова.

— Что, дровъ купила? спросилъ Георгій Ивановичъ бабу.

— Купила, родственники, что вечеръ пиръ небесь увезли, дали. Вотъ, сказываетъ Василь Петровичъ, Нютка, истопи у жильца, какъ-бы не окоалѣть—поленья спрошенья.

— Давно-бы тамъ, а то выпрыгивать надумалъ, словно таракана.

Анна захихикала сравненію и ушла за лучиной.

— Не бойсь, знаемъ мы васъ: «окоалѣетъ» квартиру портить не хочетъ. Ну, чортъ съ нимъ, все-таки 21-го дамъ денегъ сколько-нибудь,—рѣшилъ Георгій Ивановичъ, поджидая возвращенія Анны. Ему хотѣлось передъ тѣмъ, какъ лечь соснуть, немножко обогрѣться передъ пламенемъ печи. Но Анна что-то не шла, и Георгій Ивановичъ, сильно истомившійся, улегся на кровать и скоро заснулъ.

Разнообразные дуэлеты и трилеты, дуэли, сквозь нетлѣ которыхъ видѣнъ рѣзко-розовый предметъ наполняли сонныя грезы спящаго. Онъ въ ужасѣ и, не выпуская изъ рукъ кладетъ шпаги одинъ за другимъ. Входятъ все новые посѣтители, вынимаетъ всѣ изъ буфета, собранись и удивляются удачѣ и артистической шпѣ Георгія Ивановича. Но всѣ страшно дымятъ папиросами. Дымъ становится все гуще, дышится съ трудомъ, онъ прямо начинаетъ задыхаться, бросаетъ всѣ, хочетъ бѣжать и... просыпается.

Инстинктивно Георгій Ивановичъ скатывается съ кровати на полъ, туда еще не достигъ густой, удушливый дымъ; онъ наполняетъ всѣ комнаты, но держится пока на уровнѣ топки.

— Анна, Анна!—пепетомъ закричалъ Георгій Ивановичъ.

— Чего?! раздалось издали. Сквозь густой дымъ ничего нельзя было разглядѣть.

— Горимъ, пожаръ!—крикнулъ ей съ полу Георгій Ивановичъ.

— Нѣ, это печь дымитъ, треснула, надо быть.

— Что-же ты, дура, не скажешь хозяину, пусть скорѣй за печникомъ посылаетъ.

— Сказывала, да онъ гритъ: «пущай деньги за фатеру отдаетъ, тожно и за печникомъ спосылаю».

Георгій Ивановичъ понялъ, что онъ побѣжденъ конкуренцомъ Василія Петровича и, выскочивъ за ворота, во всю мочь закричалъ:

— Извозчикъ, извозчикъ!

Два человѣка, ручной санъ и постель живо очутились въ саняхъ, сверху вскарабкался Георгій Ивановичъ.

— Ахъ, черти, вотъ дьяволы! Вишь что придумали,—бормоталъ онъ, поудобнѣе усаживаясь на свернутомъ матрацѣ.—Пошелъ!

— Кешка, Инокентій!—едва тронулись онъ поротъ сани, кричалъ во флигель Василій Петровичъ,—скорѣе, парень, лѣзь на крышу и и отогни трубу, а то всю горницу закоптишь.

— Сейчасъ!—отозвался въ темнотѣ голосъ Кешки.—А что, выкурчая?

— Выкурилъ! Сказалъ знакомый. Спаси тебя, Господи! Выкурилъ.

В. С. Иллюч.

По Колымскому округу. *)

II.

Колдунъ Петковъ.

«Зырянка (*) рѣка есть, началъ Тулихъ. Тутъ недалеко отъ ея устья вверхъ протока есть, Петковской называется. Надъ этой протокой въ лѣсу Петковъ жилъ, мѣщанинъ былъ, богатый человѣкъ былъ—да и какъ ему богатымъ не быть: первый промышленникъ, былъ особенный промышленникъ—онъ тайгу зналъ, звѣрьской силой звѣрей притягивалъ. Срубы, шести, семистѣны другомъ дома стояли и на крышѣ стояли. Осенью, какъ только снѣгъ выпадетъ и рѣка станетъ, Петковъ идетъ на Западный Камень, (*) на Восточный Камень (*), вверхъ по Колымѣ и внизъ по Колымѣ—вездѣ дорожку топчетъ, и ни одно живущее четвероногое, начиная съ звѣря (*) и чернаго звѣря (*) и кончая полевой мышью, его слѣда перерѣзать не могутъ—такъ по его дорожкамъ къ дому бѣгутъ. Кромѣ собакъ, у Петкова скота не было, но не зналъ онъ нужды, нѣтъ полону его домъ; для голодного, для всякаго пробѣжаго у него всегда есть сохатина или оленина. Купецъ пріѣдетъ—съ головы до ногъ его сиводушами обложитъ. Богатѣлъ Петковъ. Женатъ былъ, 2-хъ дочерей прижилъ, 3 хъ сыновей. Сыновья выросли, тоже «промышляющими людьми» стали. Стартуетъ Петковъ, все молчаливѣе, угрюмѣе дѣлается. Видно близкую смерть чувствуетъ, свою тайгу старшему сыну передать собирается. Разъ старикъ посылаетъ младшаго сына на собакахъ въ крѣпость (*). Возвращается назадъ—вдругъ пурга сдѣлалась, совсѣмъ дорогу замело, ничего не видно. Собаки все воютъ. Наконецъ въ протоку заворотилъ. Смотритъ—изъ трубы надали не видать вылетающихъ искръ, а у нихъ огонь постоянно горѣлъ, всегда для кого-нибудь дѣла варилась. Про себя думаетъ: однако что-то неладно, вслухъ говоритъ: «Это они съ какихъ поръ дровъ-то стали жалѣть». Ѣдетъ дальше, безъ дороги, по сугробамъ—вдругъ собаки остановились, дальше на за что итти не хотятъ. Посмотрѣлъ кругомъ, а это ихъ прорубь замерзла, и занесло ее снѣгомъ. «Видно чистить забыли, опять нешней долбить надо», сказалъ онъ вслухъ, а у самого сердце такъ и ходитъ.

*) См. № 135.

*) Притокъ Колымскаго въ 20 в. ниже устья Лоочской.

*) Отроги Верхоянскаго хребта къ западу отъ Колымска.

*) Отроги Становаго хребта къ востоку отъ Колымска.

*) Лось.

*) Медвѣдь.

*) Верхне-Колымскъ.

Посмотрѣлъ парень на угоръ—камелекъ не выбрасываетъ огненныхъ языковъ, въ ледяныхъ окнахъ не видно свѣта, и къ дому дороги нѣтъ. «Померли», думаетъ онъ, вслухъ говоритъ: «рано-же легли спать». Повернулъ парень нарту назадъ, въ сторону крѣпости, а самъ поднялся на угоръ, безъ дороги добрался до дому. Никакого шуму—только вѣтеръ свиститъ. Открылъ дверь—въ домѣ темень и безмолвіе, подошелъ къ камелку, а онъ давно-о-о потухъ, покопался въ золѣ—на искорки нѣтъ. Ясно для него, что несчастіе, а самъ говоритъ: «угорѣла что-ли? надо огонь добыть». Это, чтобы не показать дьяволамъ, что онъ боится. Долго онъ возился съ огнивомъ, пока ему удалось огонь добыть и зажечь лучину. Посмотрѣлъ по сторонамъ (*)—всѣ мертвые лежатъ. Страшно ему стало; бѣжать хочетъ. Вдругъ слышитъ за собой—что-то шевелится; повернулся и видитъ въ переднемъ углу что-то большое, черное, страшное сидитъ, не то человѣкъ, не то медвѣдь, весь мохнатый съ медвѣжьей головой и большими лисьими ногами. Это былъ самъ Іобеннопіе (*). Парень весь обмеръ; но, не теряя надежды обмануть лѣсного дѣдушку, онъ бросилъ лучину и сказалъ вслухъ: «какой злой холодъ, изба не топлена, пойду дровъ наколю, топить стану», да какъ выскочилъ на дворъ, такъ прыжками, падая часто въ глубокій снѣгъ, опустился съ угора, бросился на нарту и безъ оглядки погналъ собакъ. Іобеннопіе побѣжалъ за нимъ, но лисьими ногами не можетъ догнать собачьяго бѣга. Только въ концѣ протоки при подъемѣ на волокъ «страшной» повалъ задокъ нарты. Сразу собаки остановились, не смѣя лаять. «Напрасно бѣжишь, сказалъ мохнатый, отъ меня не уйдешь... Довольно вамъ моихъ дѣтей-звѣрей истреблять», схватилъ парня за шиворотъ, пригнулъ къ нартѣ и что-то у него вырвалъ. Не слышитъ парень боли, а чувствуетъ, что въ груди пусто стало. «Вотъ, говоритъ мохнатый, я у тебя сердце взялъ, теперь живой не будешь; ты дотажай до крѣпости, вслухъ, что видѣлъ, что слышалъ, разсказки, потомъ помрешь». Вдругъ собаки рванули. Посмотрѣлъ парень—никого нѣтъ: исчезъ лѣсной хозяинъ. Вмигъ собака до крѣпости донесли. Какъ лѣсной хозяинъ говорилъ, такъ и было: разсказалъ все парень, да померъ. Потомъ долго никто не ходилъ къ петковской заимкѣ. Наконецъ, тамъ Комаровъ былъ, онъ народъ собралъ и пошелъ въ петковскую протоку—это лѣтомъ было,—но только изъ карбаса выпая и стали поднимаяся на угоръ, какъ весь народъ въ обморокъ упалъ. Когда очнулись они, поторопились убраться, а съ тѣхъ поръ никто не смѣетъ туда ходить. Сказываютъ, что изъ середины дома выросла береза, подняла крышу и вынула наружу».

Еще по Колымѣ, до моего пріѣзда на Ясачную, я отъ якутовъ слышалъ варіацію этой легенды якутскихъ вѣрованій *). Мнѣ сообщили, что развалины петковской заимки еще существуютъ и что И. Д. Черскій, заинтересованный

*) Оронъ—пирокія неподвижныя скамьи у стѣнъ.

*) Лѣсной хозяинъ.

*) По одной якутской варіаціи обаяніе (дьяволы) помогавшій Петкову въ промыслѣ, съѣлъ наконецъ своего кормилца, душа котораго послѣ смерти обратилась въ уйра (въ уйра обыкновенно обращаются души шамановъ), въ свою очередь съѣвшаго своихъ домашнихъ. По этой варіаціи, когда парень зажегъ огонь, онъ увидѣлъ, что мертвый отецъ поднимается, гонится за нимъ и т. д.

легендой, заѣзжалъ въ протоку, но такъ-какъ самъ уже не былъ въ состояніи по болѣзни выйти изъ карбаса, то жена его осматривала домъ, измѣряла окна и т. д. Это я говорю со словъ якута, бывшаго у нихъ проводникомъ. Я тоже свернулъ съ рѣки на протоку. Гребцы-якутки сначала отговаривались незнаніемъ въ точности мѣста, но, отъѣхавъ по протокѣ съ версту, мы остановились и скоро нашли петковскій домъ. Остатки постройки находятся недалеко отъ берега, по въ густой чащѣ изъ лиственницъ, тополей и ивъ. Надъ тропинками, заросшими мохомъ, переплетающіяся вѣтки и кустарники образовали арки, слегка колеблемыя еле замѣтнымъ вѣтеркомъ, точно онѣ кланялись другъ другу и шептались о быломъ. Такій шелестъ листвы среди общаго безмолвія и штиля, казалось, обнаруживалъ въ своемъ безпричинномъ движеніи присутствіе невидимой жизни таинственныхъ духовъ легендарной фантазіи. Все кругомъ настраивало воображеніе въ духѣ народнаго сказанія — здѣсь раколотое молніей дерево, тамъ развалившійся лиственничный срубъ *), на которомъ выросли грибы, дальше свѣжій слѣдъ медвѣдя... Вдругъ въ густой чащѣ изъ лиственницъ, тѣсно окружающихъ какую-то постройку, показались два отдѣльныхъ сруба, но такъ близко сдвинутыхъ, что между ними прохода не было. Одинъ изъ срубовъ очевидно служилъ жилымъ помѣщеніемъ, другой кладовой. Окна и двери отъ подпятія почвы на половину ушли въ землю. Новые окончъ имѣются дыры, точно бойницы древней крѣпости. Въ жиломъ домѣ обломки камелька, потолокъ упалъ, а изъ середины избы выросли и вышли наружу высокія ольха и ива. У самаго порога дверей выросла и загородила входъ въ домъ высокая лиственница. Я ее срубилъ и сосчиталъ не ней 97 концентрическихъ круговъ. Домъ, какъ и кладовая, былъ по сравненію съ теперешними инземными русскими постройками по Колымѣ, очевидно, очень высокъ. Длина каждаго изъ срубовъ 120 вершковъ, ширина—107 вер. Длина дверей и оконъ—$23^3/_4$ и $9^1/_2$ вер., а ширина ихъ 17 и $5^3/_4$ вер. *). Во всякомъ случаѣ это старинная русская постройка, и очевидно, что съ ея обитателями, потомками древнихъ русскихъ промышленныхъ и гуляющихъ людей, произошло особое событіе, выросшее потомъ въ таинственное преданіе, окраненное духомъ вѣрованій сѣверныхъ инородцевъ. И куда не проникалъ русскій человѣкъ, алкомый корыстью или отвагой! Въ самыхъ глухихъ угодьяхъ видѣнъ его слѣдъ и вліяніе, но самъ пішеръ не вездѣ могъ пустить глубокіе корни, но всей вѣроятности оттого, что культура его и образъ жизни все-таки стояли выше тѣхъ требованій, какія можно предъявлять къ естественнымъ условіямъ мѣста. Въ прошломъ столѣтіи, когда изъ Якутска черезъ обиняковское плоскогорье для сплава внизъ доставляли въ верховья Колымы казенную кладь, какъ для колымскаго, такъ и для анадырскаго края, въ верхне-колымской части округа было не мало русскихъ. Кромѣ казачьей команды, было мѣщанское общество, русскіе торговцы и промышленники. Но съ прекращеніемъ сплава по Колымѣ казенной клади и съ переводомъ въ 50-хъ годахъ казачьей команды въ Ср. Колымскъ русскій элементъ и его непосредственное вліяніе на инородческое населеніе

*) Лоншакъ.

*) Съ постройки и снялъ фотографію.

Она сама не отдавала себѣ отчета, что случилось съ ней, но она переживала серьезное торжественное настроеніе и не могла уже оставаться въ веселой компаніи. Быстро одѣвшись и отвѣчая шутками на тревожные вопросы подругъ, она вышла на улицу. Ночь уже кончалась, ея первая петербургская рождественская ночь. По пробѣлѣвшимъ улицамъ она тихо возвращалась домой, и ей вновь хотѣлось слышать этотъ голосъ, выдвигавшій передъ нею новую цѣль, новую задачу жизни. Ей хотѣлось снова увидѣть бы эти горѣвшіе и грустные глаза, въ которыхъ свѣтилось благородное любящее сердце. Да, и она знала, что онъ умеръ, но въ душѣ ея онъ жилъ, жилъ со своими завѣтами и любовью.

А. Д.

СИБИРЬ.

Хороша ты, Сибирь! хороши твои нивы,
Безпредѣльный просторъ изумрудныхъ степей,
Своеправные рѣки многоводныхъ нивины,
Ширъ озеръ и коверъ разнецвѣтныхъ полей;
Хороши и громады скалистыя горъ,
Шопотъ лиственъ кудрявой, веселой березы
И тайги молчаливой угрюмый уборъ.
Лѣтній зной и зимы и метелей и морозы!

К. Бозѣнко.

ДУМЫ ЕЛКИ.

(Рождественскій фельетонъ).

Высокая, стройная, вся залитая огнями и увѣшанная гирляндами, блестящая, какъ тотъ залъ, въ которомъ она стояла, елка провождала чарующее впечатлѣніе. Дорогія бонбоньерки, золотыя и серебряныя нити, сѣдыя кудри бѣлоснѣжнаго пуха, причудливо обвивающіе ея густыя темнозеленыя вѣтви, и разнообразныя игрушки украшали царицу лѣсовъ. Дѣдко Морозъ, весь усыпанный блестками, крѣпко держалъ въ своихъ могучихъ рукахъ красавицу—ель, а царственная корона вѣнчала ея вершину. Вокругъ столпо шумное веселье: бѣгали и рѣзвились кудрявыя малютки, съ нетерпѣніемъ поглядывая на богатые подарки; молодежь кружилась въ вихрѣ вальса; гремѣла музыка; а старики, вспоминая свое дѣтство, счастливо улыбались. Только одна елка не принимала участія въ веселѣ, центромъ котораго служила она—царственная ель. Грустно опустивъ свои густыя вѣтви, она задумалась. Картина дѣтства встала передъ ней...

То былъ не роскошный залъ съ позолотой, не изящные наряды красавицъ, не веселыя личики дѣтей,—нѣтъ, красота тамъ была и выше и могущественнѣе... Ель вспоминала угрюмую тайгу, могучіе кедры и лиственницы, стройныя ели и пихты, раскидистыя сосны. Старые мхи лежали кругомъ и длинными бородами спускались съ столѣтнихъ гигантовъ. Изъ расщелинъ скалъ поднимались зеленые листья. Цвѣты тянулись къ небу и нагинали головки. Ручей журчалъ свои весенніе пѣсни. Весело порхали бабочки. Безпокойно по бѣгали жуки, суетились муравьи; лѣсныя птицы пѣли свои пѣсни и разсказывали про житье-бытье далекихъ странъ; медвѣдята рѣзвились подъ густыми вѣтвями великановъ, бѣлки прятались въ этихъ вѣтвяхъ отъ красавца-соболя; воздухъ былъ полонъ жизни и звуковъ—природа просыпалась отъ зимняго сна и дышала кипучимъ избыткомъ силы.

Помнитъ себя ель и въ зимнюю пору, когда Дѣдко-Морозъ одѣвалъ ее не въ тотъ маскарадный нарядъ, въ которомъ она, увѣшанная сластями и игрушками, стоитъ теперь, а въ бѣлоснѣжную одежду, покрытую бриллиантовыми блестками, переливающимися на яркомъ солнцѣ тысячью огней. Зимою тайга умирала; медвѣдь прятался въ берлогу, птицы улетали; только столѣтніе кедры и ели, покрытые бѣлоснѣжными кудрями, задумчиво покачивали головами, слушая разсказы старушки ели и старого кедра про былое.

Оба они прожили много, много лѣтъ. Въ своей долгій вѣкъ они многое видѣли, о многомъ и слышали. Родились они еще, когда человѣческая нога не вступала въ лѣсную трущобу. Тогда природа ликовала, а лѣсные гиганты жили беззаботно, украшая своими могучими вѣтвями молодые побѣги. Развѣ быстроногій олень, сохатый или легкая коза проччатся сквозь чащу и рогами обломаютъ наклоненныя вѣтви Царемъ тайги въ то время былъ медвѣдь, и его рѣвъ часто раздавался по лѣсу, разбиваясь о горные хребты на тысячеголосное эхо. Чутко прислушивались къ тому реву и птицы и звѣрь, скрывались отъ своего раскаркрѣвшаго господина. Никто не смѣлъ нарушать его покой; все повиновалось ему.

Появился человѣкъ. Человѣкъ этотъ былъ жалокъ, безсиленъ, убѣгалъ отъ звѣря... Его оружіе не причиняло большого вреда; онъ боялся медвѣдя. Имя этого звѣря было настолько страшно, что онъ не рѣшался произносить его; но это не мѣшало людямъ-пріемку человѣку точить свой ножъ на медвѣдя и въ то-же время клясться его именемъ.

Прошли многіе годы; цѣлыя столѣтія... въ глухой тайгѣ снова появился человѣкъ, но не съ лукомъ и стрѣлою, а съ страшно убійственнымъ оружіемъ. Громкое эхо отразилось отъ горныхъ щекъ и, переливаясь по долинамъ и ущельямъ, принесло страшную вѣсть... Вздрогнули столѣтніе старцы, сердито зарычалъ медвѣдь, прятались пушистая бѣлка, спрятался въ свою нору соболь, высоко залетѣли лѣсныя птицы, а смертельно раненная козочка жалобно застонала... Началась борьба между человѣкомъ и природой; борьба не на животъ, а на смерть: звѣрь уходилъ все дальше и дальше, медвѣдь скрылся, уступая мѣсто слабому человѣку; веселыя бѣлки исчезли, и природа опустѣла. Въ этой борьбѣ тайга увидѣла и трусость, и лицемѣріе, и жадность человѣческой природы. Сѣдовласый кедръ, качая своей ветхой отъ старости вершиной, говорилъ человѣку: «Зачѣмъ ты бьешь соболя—красу нашего лѣса? Зачѣмъ ты истребляешь невинныхъ бѣлокъ и убиваешь быстроногихъ оленей и козъ? Зачѣмъ твои ужасныя ружья и острый топоръ уничтожаютъ то, что творила природа?» Но человѣкъ не слушалъ: нажива пригнала его въ тайгу, чтобы у природы взять все цѣнное. Тайга возненавидѣла человѣка.

Прошли еще годы, наступила пора—ее помнитъ и елка: застонали старые кедры, повалились стройныя ели и пихты, заскрипѣла сосна, заплакала зеленокудрая береза!..

По тайгѣ продолжали дорогу. Скрѣпя потянулись длинные обозы, бросая измученныхъ непосильной работой лошадей; лихо мчались, позванивая бубенчиками, тройки; плелись усталые переселенцы; брелъ съ котомкой за спиной бездомный бродяга, часто находившій пріютъ подъ раскидистыми вѣтвями ели; много горя повидалъ онъ молодому деревцу, много слезъ онъ выплакалъ на моховомъ коврѣ. Видѣла ель, какъ лихіе люди напали на женщину съ малютками, какъ ограбили ее и надругались надъ младенцами. Все скрывала тайга, все хоронила она; только старики кедры и старушки ели чаще и чаще покачивали своими головами.

Помнитъ елка, какъ явились въ тайгу люди, стали рубить лѣсъ и корчевать корни, и пни, какъ обзавелись потомъ и пасѣками, враговѣдями пошину. Какъ студеной зимою мужики пріѣзжали въ лѣсъ за дровами, какъ они сняли шапки, безъ шапки, обливаясь потомъ, рубилъ дерево, а дерево отъ мороза, словно стаи, не подавалось топору... А тутъ еще подосѣвъ старый путникъ Морозко, закружавшись ему голову, обсыпетъ острыми иглами голову и усы, замороситъ руки и щеки; мужичокъ-же все рубитъ, да рубитъ. Иногда прибѣжитъ вдова-бобылка, собирать хворость и вѣтки, а то придетъ крестьянинъ, срубитъ сосну...

Скоро старая дорога стала тѣсна для людей... Елка видѣла, какъ много труда было вложено въ новую дорогу; какъ потайтъ съ грохотомъ и ревомъ помчались чудовище, ослѣпляя своимъ свѣтомъ окрестныя горы... Тайга порѣдѣла... щеки горъ обосыпались... Пескомъ занесло ниву!..

Помнитъ елка, какъ въ трескучій морозъ пріѣхалъ въ лѣсъ мужичокъ, срубилъ ее, положилъ на поженей и повезъ въ городъ. Съ любопытствомъ смотрѣла ель на каменные дворцы, на роскошныя палаццо, на дома съ рѣшоткой, на уличную людскую суету, подобную той, какая была въ муравьиной кучѣ на прикорѣ. Все помнитъ елка, все припоминаетъ она гаяди на людскую жизнь, на разодѣтыхъ дѣтей, веселящихся дамъ и кавалеровъ, на блестящій залъ, на роскошныя украшенія, на свой красный нарядъ... Среди людей она не находила того, что было въ родномъ раемѣ; тамъ ели, кедры, пихты, лиственницы, сосны жили дружно, помогали другъ другу. Люди-же страдаютъ и веселятся, живутъ и умираютъ, болѣе далекіе другъ для друга, чѣмъ ели и кедры въ дремучемъ лѣсу!..

Царственная ель поникла вершиной и задумалась...

И. И. П—въ.

ніе стало уменьшаться. Теперь русское населеніе по Колымѣ сосредоточено отчасти около Ср. Колымска, какъ административнаго и торговаго центра, а главнымъ образомъ — въ низовьяхъ Колымы, гдѣ рыбные промыслы болѣе надежны.

Изъ русскихъ, постоянно живущихъ въ настоящее время въ верхне-колымской части округа, можно назвать только церковный причтъ верхне-колымской церкви и семейства заштатнаго священника и одного русскаго торговца. По сѣверу прежняго кочнія можно встрѣтить вездѣ, въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ угодьяхъ. В одномъ завтускомъ родѣ 4 почера мѣшанина Турнанова являются родоначальниками большинства семействъ рода и до того перепутали кровное родство, что нѣкоторыя сожительства внутри рода не могутъ быть освящены церковью, безъ разрѣшенія высшей духовной власти. Русско-инородческихъ метисовъ можно встрѣтить въ каждомъ племени среди юкагировъ и среди якутовъ. У послѣднихъ еще въ живыхъ 3 русскія старушки изъ казачьихъ дочерей, вышедшихъ замужъ за якутовъ и оставшихся въ краѣ послѣ перевода въ Ср. Колымскъ ихъ братьевъ и отцовъ. Всѣ 3 старушки, въ возрастѣ 70—80 лѣтъ, имѣютъ дѣтей и внуковъ настоящихъ якутовъ, не знающихъ по-русски, но сами онѣ еще понимаютъ русскую рѣчь. Одна изъ нихъ, бывшая Кудрина, столь мягко, плавно, протяжно, по-московски, и не сюсюкая, произносить русскія слова, что послѣ грубаго-по-ошибъ звуковъ сѣверныхъ инородцевъ, прогавливающихъ при томъ цѣлые слоги, говоръ этой старушки показался мнѣ настоящей музыкой. Къ сожалѣнію, на большинство изъ предложенныхъ мной вопросовъ она дала одинъ стереотипный отвѣтъ: «Я, батюшка, гдѣ мнѣ помнить, все занималовала». Другая старушка не могла мнѣ назвать своей прежней фамиліи. Она только сказала, что она «дѣвичья» дочь, отецъ ея былъ докора *), мать

*) Если спросить на Колымѣ незаконнорожденнаго ребенка «Кто твой отецъ?» онъ, смѣясь, отвѣтитъ: «мой отецъ докора». Оказывается, что переводъ якутскаго «докора» (или ребенокъ). Такъ якуты называютъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Одинъ русскій казачокъ на мой вопросъ объ имени его отца отвѣтилъ: «Я ночью родился, на окошкѣ высочилъ». Громадный процентъ незаконныхъ рожденій по Колымѣ — установленный фактъ. Въ разговорной русской рѣчи незаконныя рожденія и родственныя отношенія классифицируются терминами «дѣвичьихъ» или «одинокихъ» сыновей, дочерей, не считая сестеръ, братьевъ и т. д. Встрѣчаются цѣлыя поколѣнія дѣвичьихъ потомковъ. Я знаю семью съ 6-ю дѣвичьими поколѣніями. Среди колымчанъ существуетъ повѣрье, что если въ седьмомъ дѣвичьемъ поколѣніи родятся мальчики, то это будетъ антихристъ. Вопросъ о реликвальномъ взглядѣ колымчанъ на свободную любовь представляетъ большой интересъ для этнографа. Но кому, большое вліяніе на него имѣетъ тотъ фактъ развитія семейныхъ отношеній, какой русскіе застали у колымскихъ инородцевъ, главнымъ образомъ у жестоковъ.

звала Марфой, дядю Семеномъ, а теперь она клялась *), ничего не помнитъ. Когда дѣвушки вглядѣлись въ эти сморщенныя, русскія лица, съ безцвѣтнымъ ртомъ, сѣдой кожей, круглыми глазами, прямымъ носомъ и въ окружающую ихъ обстановку и людей, невольно является вопросъ — какая судьба оторвала этихъ русскихъ женщинъ отъ культурнаго народа арійскаго происхожденія, отъ теплаго дома, хлѣбной пищи, полотняной и суконной одежды и перенесла въ этотъ негостепримный край, бросила среди некультурнаго монголо-тюркскаго племени въ холодную юрту, обмазанную коровьимъ каломъ, посадила на низкую пирогольку изъ гнилой вонючей рыбы и одѣла въ заскорузлыя одежды изъ сюстежьихъ или зѣрнышкъ кожъ?

Вл. I—мъ.

Ср. Колымскъ.
20 іюля 1896 года.

*) Выжившая изъ ума.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ **НѢЖИНСКАЯ** РЫБИНА на коньякѣ Пароваго водочнаго завода Торговаго Дома **Н. Л. ШУСТОВЪ** съ С-МЪ Москва, Б.-Садовая, соб домъ. Телеф. № 530

НОВОСТЬ! ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896— —1897.

НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦИАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.

Единственный для всей Россіи СКЛАДЪ

Торговый Домъ Ж. Блокъ

Главная Контора МОСКВА. ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

1663—19

1877 г. 1886 г. 1896 г. 1882 г.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ВИНО-ТОРГОВЛИ ПОСТАВЩИКА Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества ТОВАРИЩЕСТВА

Петра Арсеньевича Смирнова,

У ЧУГУННАГО МОСТА, ВЪ МОСКВѢ,

за высокое достоинство столоваго очищеннаго вина, нѣжинской рябины, водокъ, наливокъ и ликеръ фирмы удостоена на Всероссійской Промышленной и Художественной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г., четвертаго

ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА.

Можно получать во всѣхъ вино-торговляхъ, ресторанахъ и гостинницахъ: столовое вино подъ № 40, № 32, № 20, № 31 и № 21, пшеничное вино № 20, нѣжинскую рябину № 30, № 23, ягодныя настойки, наливки, ликеръ горькія травныя и фруктовыя водки, кавказскій виноградный коньякъ, русскія и иностранныя виноградныя вина.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ОТДѢЛЕНІЯ НАХОДЯТСЯ: въ С.-Петербургѣ, на углу Мал. Морск. и Гороховой, д. № 10—6 и въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ Базарѣ, противъ Волжско-Камскаго Банка. 1720—10—9.

АКУШЕРКА-МАССАЖИСТКА

принимаетъ по назначенію врачей больныхъ, просятъ обращаться на Преображенскую ул., д. Сиребякова. 913—10—7. *Ф. Кацъ.*

ДЛЯ ПОСТРОЙКИ казарменныхъ зданій въ г. Читѣ въ 1897 году потребуется кирпичъ до 2 милліоновъ штукъ, рабочіе: каменщики, печники и плотники. Симъ объявленіемъ приглашаются желающіе принять на себя поставку кирпича и производство каменныхъ и прочихъ работъ. Заведенія просятъ посылать въ канцелярію читинскаго резервнаго батальона (уголъ Хабаровской и Жерной улицъ д. Карбаинова) на имя командира батальона.

Работы предполагаются начать съ мая мѣсяца 1897 года. 979—3—3.

25, 26 и 27 декабря 1896 года въ дни праздниковъ Рождества Христова, и 1 января 1897 года, въ день Новаго года, Иркутское Отдѣленіе Государственнаго Банка будетъ закрыто для всѣхъ операцій.

24 и 31 декабря сего года, Отдѣленіе Банка будетъ открыто до 12 часовъ полудня только для операцій текущихъ счетовъ, переводовъ и платежей по векселямъ.

Операціи сберегательной кассы прекращаются съ 25 декабря 1896 года по 7 января 1897 года, по случаю заключенія счетовъ.

Управляющій *Михайловскій.*
1888—3—3.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ **«Органъ Соловей»**

предлагаю для семейныхъ вечерниковъ, дѣтскихъ елокъ. Имѣются для дѣтей вокальные цвѣточные шары, по заказу достаемъ на домъ. Инструментъ можетъ быть проданъ, при цѣнѣ 60 руб. Адресъ: 4 Солдат. улица, домъ Шевелевой 997—2—1. М. Я. Яковлевъ.

ВЪ ВАРШАВСКОМЪ МАГАЗИНѢ ПОЛУЧЕНЫ

два піанино, одно устроено имѣетъ съ фисгармоніей такъ что можно играть сразу какъ будто бы на двухъ инструментахъ; другое же піанино получено съ приспособленіемъ механическимъ, такъ что всякъ неумѣющій можетъ играть свободно. 1669—4—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

старѣйшій и самый большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ въ Россіи, съ обширной программой Обозрѣнія жизни всего міра въ рисункахъ и въ описаніяхъ. Занимательное чтеніе.

Всѣ подписчики кромѣ отдѣльныхъ художественныхъ приложеній роскошную премію — двѣ книги:

„НАТАНЪ МУДРЕЦЪ"

драматическая поэма Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачева, и

„ДЕКАМЕРОНЪ" БОККАЧІО.

избранныя новеллы въ русскомъ переводѣ (168 книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ).

Подписная цѣна на «Всемірную Иллюстрацію» со всѣми приложеніями и преміей въ годъ: безъ доставки изъ СПб. съ 15 р., съ доставкою въ СПб. 17 руб., съ пересылкою по всѣ города Россійской имперіи 18 р.

Допускается разсрочка

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книжное издательство Германъ Гоппе» высылаются по требованію безплатно.

1826—3—2

ПОЛУЧЕНЫ золотыя и серебряныя вещи и серебряные престы для священниковъ въ магазинѣ ювелира Х. Ф. Шуньць, Большая ул., д. Гордовскаго, между 2 и 3 Солдатск. ул.

Телефонъ № 223.

Продажа по умѣренныхъ цѣнамъ. 959—5—5.

ВЪ ВАРШАВСКОМЪ МАГАЗИНѢ

получены въ большомъ выборѣ:

Ковры бархатные, буланчатые, войлочные.

Дорожки джутовыя, набивныя,

Клеенки столовыя, половыя,

Скатерти клюшенныя, бархатныя,

Одѣяла бѣлыя 1867—4—3.

ПРОДАЕТСЯ на снесъ въ Глазковскомъ предмѣстьѣ около пріюта домъ и при немъ амбаръ, баня. Спросить о цѣнѣ въ домѣ Иркутскомѣщанина Василія Николаевича Михалева, около почтовъ. 976—2—2.

ПРОДАЕТСЯ семейный домъ, д. Свинторусова у Почтовъ. мостъ. 892—10—8.

ПРИВИЛЕГІЯ ЗАЯВЛЕНА

ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ

ДѢТСКОЕ МЫЛО

производства **А. М. Остроумова.** 35 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

НУЖЕНЪ фельдшеръ на золотые пріиски Витимско-Муйскаго товарищества въ Баргузинскомъ округѣ. Преимущество будетъ отдано умѣющему снимать и чертить пріисковые планы. Обращаться письменно: Баргузинъ въ контору Я. Д. Фрезеръ. 956—3—3.

Окончившая 8 классовъ гимназіи принимаетъ дѣтей для начальнаго обученія грамотѣ, готовитъ въ младшіе классы учебныхъ заведеній и репетируетъ. Здѣсь же желаютъ нанять на квартиру двухъ учащихся дѣтей. Дворянская ул., домъ Орлова. 944—10—7.

ПРОДАЕТСЯ выѣздная САНКИ, недѣшью ОДѢЛО почти. Верхне-Амурская ул., д. Смертной

ВЪ МАГАЗИНѢ **Б. Г. Патушинскаго**

имѣются получены игольные, галантерейные, скобяные, мосжательные и другіе товары.

Въ отдѣленіи аптекарскихъ товаровъ получена большой выборъ иностранной парфюмеріи, хирургическіе инструменты, перевязочныя средства, предметы для ухода за больными и прочіе товары.

При магазинѣ производится продажа литомъ сахару и скоромнаго масла. 1853—7

ОТДАЕТСЯ

въ портомъ съ 1 января верхній этажъ каменнаго дома на углу Дегтяревской и Луговой, а бывшій Сурпина, онъ уже нанятъ узнать внизу. 1863—11—5.

Иркутскій городской ломбардъ

симъ объявляетъ, что 30 декабря сего 1896 г. съ 9-ти часовъ утра въ помѣщеніи ломбарда производится аукціонная продажа разнаго рода просроченныхъ вещей. 940—1—1.

ЦВѢТУЩІЯ растенія вѣнки и букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Зоологическій сад. Садоводство Елачева. 986—2.

Новое ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. С. ІУ и К°

PETIT BEURRÉ

МОСКВА

С. СІУ и К°

НАСТРАИВАЮ рояли, Б. И Крясенъ. Лучшіи, протяжъ 1 части. 909—10—7

ФОНОГРАФЫ ЭДИССОНА

электрическіе и механическіе со всѣми принадлежностями получены и продаются **въ Варшавскомъ Магазинѣ.**

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШ. КАЧЕСТВА РЕКОМ. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, д. Волкова. НИЖЕГ. ЯРМ. Глав. домъ № 6. ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

1300—26—24.

ИЗВѢЩЕНІЕ ОТЪ ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ

Мыла олео-вазелинъ Рояль-Конго Э. Бодло и К°

ФАБРИКА: Москва, 3-я Мѣщанская, д. № 4а.

Въ виду многочисленныхъ подражаній нами изобрѣтенному мылу олео-вазелинъ Рояль Конго, мы, въ предупрежденіе нѣкоторыхъ на будущее время подѣлокъ, выпустили наше мыло съ новыхъ нынѣ помѣщенныхъ этикетокъ съ нашей фабричной маркой, утвержд. Правительствомъ, подъ названіемъ МЫЛО ОЛЕО-ВАЗЕЛИНЪ РОЯЛЬ БОДЛО.

Продается вездѣ.

НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКѢ 1896 г. ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ

Высочайше Утвержденному Товариществу парфюмернаго производства

БРОКАРЪ и К°

изобрѣтателямъ:

1. Цвѣточнаго О-де-колона. 2 Глицериновой пудры. 3. Усовершенствованнаго ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА. 4 Духовъ ПЕРСИДСКОЙ СИРЕНИ и РЕЗЕДЫ. 5 ДУШИСТЫХЪ ЧЕРНИЛЪ

ПРИСУЖДЕНА ВЫСШАЯ НАГРАДА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ.

Дозволено цензурою Иркутскъ 22-го декабря 1896 года. Типографія К. І. Витковскъ. Харламп. ул., д. Синицкой № 1. Редакторъ-издатель И. И. ПОПОВЪ